

танков земле: «покоится тело/прах» – «погребено тело/прах» – «похоронен». Нам представляется, что эти слова, при всей их взаимозаменяемости, всё же имеют оттенки. Одни из них «заземляются» – притягиваются земным миром, другие в большей степени ориентированы на мир горний.

Пространные эпитафии в той или иной степени адресованы к горнему миру, одухотворены надеждой на милость Божию, на обретение убогим Царствия Небесного.

Примечания

1. Кишинёвские епархиальные ведомости. 1868. № 11/12. С. 482–483.
2. Глубоковский Н.Н. Преосвященный Смарагд (Крыжановский), архиепископ Рязанский: Его жизнь и деятельность. СПб., 1914. С. 288.
3. Галай Ю.Г. Макарьевский монастырь. Нижний Новгород, б/г. С. 9.

С.В. Рыбаков (УГТУ-УПИ)

ПРАВОСЛАВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Православие в современной России уверенно движется по пути самоборотения, хотя раны, нанесенные ему десятилетиями богоборчества, не могут быть залечены одномоментно. Проблемой остается состояние массового сознания, значительный сегмент которого «зашлакован» стереотипами вульгарного материализма и атеистическими клише, а также бессмысленной, но яркой мишурой шоу-индустрии, отсекающей сознание людей от родников традиционной культуры. Информированность нынешнего российского общества о сути Православия является недостаточной, а иногда связывается с намеренными искажениями.

Независимо от величины чуждых наслоений, Православие с его традициями никуда не уходило из глубин народной жизни и так или иначе проявлялось во всех сферах деятельности русского общества – культуре, просвещении, медицине, предпринимательстве и т. д. Православные традиции оказывали заметное воздействие и на развитие российской науки, определяли ее особенности. Эта мысль не воспринимается трафаретным мышлением, увязывающим науку лишь со «стерильной» рациональностью.

Атеистическая пропаганда в течение десятилетий усиленно стремилась закрепить в общественном сознании искаженные представления, согласно которым религия связана исключительно с «низким уровнем образования и квалификации, с пренебрежением к науке, светской культуре, с принижением разума, религиозной нетерпимостью, лицемерием»¹. По отношению к Православию этот тезис оказывается фальшивкой. Пра-

вославная традиция в ее естественном виде отнюдь не защищает невежество и бескультурие. В Православии особое место всегда отводилось богопознанию, осмыслению законов мироздания и постижению его тайн. Для православных понятие «Бог» совпадает с конечным и исчерпывающим смыслом всего, что олицетворяет жизнь, что придает ей устойчивость и ценность.

Православный Бог познаваем в неразрывном единстве мира внешнего и мира человеческой души – той самой души, наличие которой отрицается наиболее рьяными атеистами. Бог в православных молитвах назван «Подателем Жизни», Он являет Собой сакральный источник жизненных сил и энергий. Православное содержание категории «Бог» отличается от языческого содержания тем, что вбирает в себя причину и конечный смысл человеческого существования, становящиеся важнейшей целью познания законов мироздания.

Эта сторона Православия высоко ценилась в Древней Руси. Принятие православной веры дало сильнейший импульс распространению грамотности. Летописи повествует, что Владимир Креститель «посылал собирать у лучших людей детей и отдавать их в обучение книжное»². Уже через несколько десятков лет после крещения Руси население таких русских городов, как Киев, Новгород, Полоцк, Псков стало почти поголовно грамотным - неслучайно митрополит Иларион в своем знаменитом «Слове о Законе и Благодати», написанном в середине XI в., подчеркивал: «Ведь не к несведущим пишем, но к преизобильно насытившимся сладостью книжной»³. Тогда же при соборе Святой Софии в Киеве была создана первая на Руси, богатая по тем временам общедоступная библиотека, появившаяся благодаря Ярославу Мудрому, о котором в «Повести временных лет» сказано: «любил Ярослав церковные уставы, попов любил немало, особенно же черноризцев, книги любил, читая их часто ночью и днем. И собрал писцов многих, и переводили они с греческого на славянский язык. И написали они книг множество, ими же поучаются верующие люди и наслаждаются учением божественным. Как если один землю вспашет, другой же засеет, а иные жнут и едят пищу неоскудевающую, – так и этот. Отец ведь его Владимир землю вспахал и размягчил, то есть крещением просветил. Этот же засеял книжными словами сердца верующих людей, а мы пожинаем, учение принимая книжное. ...Ярослав же любил книги и, много их написав, положил в церкви Святой Софии, которую создал сам»⁴.

Поэтично воспевается в «Повести временных лет» книжная грамотность: «Велика ведь бывает польза от учения книжного; книгами наставляемы и поучаемы на путь покаяния, ибо от слов книжных обретаем мудрость и воздержание. Это ведь – реки, напояющие вселенную, это источ-

ники мудрости; в книгах ведь неизмеримая глубина; ими мы в печали утешаемся; они — узда воздержания. ...Если прилежно поищешь в книгах мудрости, то найдешь великую пользу душе своей. Ибо кто часто читает книги, тот беседует с Богом или со святыми мужами»⁵.

Появившиеся со времен Владимира и Ярослава школы и библиотеки способствовали духовному преобразению Руси. Число и школ, и библиотек постоянно увеличивалось. Обширной библиотекой владел Киево-Печерский монастырь, являвшийся центром древнерусского просвещения. Принятый в монастыре Студийский устав вменял в обязанность каждому монаху чтение книг из монастырской библиотеки, чем и объясняется большое число писателей в Печерах. Работа по составлению и изготовлению книг там шла, не прерываясь. Большими библиотеками располагали князья — например, сын Ярослава Мудрого черниговский князь Святослав, ростовский князь Константин Всеволодович, а также церковные иерархи, среди которых богатой книжной коллекцией выделялся епископ ростовский Кирилл. Древнерусские писатели осваивали различные литературные жанры — проповеди, поучения, жития, повести. Литература того времени была нацелена на смягчение общественных нравов, на разоблачение нравственных пороков, на утверждение милосердия в людских отношениях. Характерно, что большинство ведущих писателей в Древней Руси были людьми церковными — Митрополиты Киевские Иларион и Климент Смолятич; епископы Лука Жидята Новгородский и Кирилл Туровский, прозванный «русским Златоустом»; киево-печерские монахи Феодосий и Никон Летописец.

И в более поздние времена Православие дистанцировалось от косности и необразованности, несовместимых с его духовной сущностью. Вот показательный пример: в середине XVII в. в Москве была выпущена «Славянская грамматика» Мелетия Смотрицкого, в предисловии к которой издатели напоминали, что Отцы Церкви высоко чтити знание грамматики, философии, риторики, астрономии и других наук, поскольку они понимали важность учености. Там же говорилось, что некоторые благочестивые христиане считали «посторонние науки» опасными для чистоты веры, но такая их позиция в корне неверна, ибо естественное недоверие к лженаукам, к псевдочеловекам, в тщеславной гордыне претендующим на абсолютное знание, переносит на поборников Богопознания. В предисловии к «Грамматике» говорилось: «Мы принимаем то, что благотворно для жизни и веры, и мы высоко ценим образование. И, конечно, было бы гнусно и непрослительно, если бы кто-нибудь хвастался своим невежеством»⁶.

В Русском Православии наука и религия не противопоставлялись. Такое противопоставление воспринималось бы как покушение на содержа-

тельное единство и цельность бытия. Богословская мысль учила людей жить на реальной земной почве, преодолевать конкретные жизненные противоречия. Для этого необходимо было овладение всем арсеналом возможных средств, среди которых научное знание занимало далеко не последнее место.

Русский историк Георгий Владимирович Вернадский приводил свидетельство того, что на Руси с XI по XVII века в значительных масштабах распространялась философская литература, переведенная с других языков. Знакомство с ней отражалось во многих русских полемических и идеологических произведениях. Философская и теологическая терминология устойчиво укоренилась в русском языке еще в киевский период. Среди русских образованных людей была популярна «Диалектика» Иоанна Дамаскина, доступная в славянском переводе. Появлялись и философско-теологические труды русских авторов. Так, в середине XVI века в Москве священником Ермолаем-Еразмом была создана трилогия о космическом значении Святой Троицы⁷.

В XVI–XVII вв. большого размаха достигла просветительская деятельность в Западной Руси. Она разворачивалась по инициативе православных братств, противостоящих униатско-католическому наступлению на русские земли. Братства во Львове, в Вильно, Киеве, Луцке, Минске, Могилеве, Бресте и других городах создавали школы, типографии, выпускали большое количество полемической, богословской, исторической литературы. К примеру, только в типографии Львовского братства за время ее существования было напечатано около 300 тысяч церковных и учебных книг. Школы братств строили учебные программы с прицелом на полноценную и широкую подготовку своих питомцев. Кроме богословских дисциплин, в них преподавались грамматика, риторика, диалектика, музыка, математика, различные языки. Общерусское значение приобрела деятельность таких выдающихся западнорусских просветителей того времени как Григорий Скорина и Петр Могила. Петром Могилой – Митрополитом Киевским и Галицким – было написано или переведено 15 книг, была основана Киевская духовная академия, было восстановлено большое количество древних церковно-архитектурных памятников и собрано для сохранения множество древнерусских исторических документов.

Примеры того, что Православие жило устремленностью к знаниям, можно многократно умножить. Эта устремленность не только не расходилась с верой в Бога, она ею мощно подпитывалась, поскольку Православие тесно увязывает между собой категории «Бог» и «бытие», «бытие» и «истина», «Бог» и «истина». В античном и средневековом мире «истина» была понятием онтологическим. Деонтологизация этого понятия про-

исходит в Новое время – под «истиной» стали понимать свойство представлений человека о бытии. Наука постепенно уводилась от религиозного мироощущения и богословия. Росли ее претензии на монополию в объяснении законов мироздания. Хотя в научном арсенале и сохранился тезис о единстве мира, являясь явным фрагментом православного мировоззрения, эти претензии до сих пор остаются нереализованными. Непротиворечивость и связность картины мира, воспроизводимой наукой в отрыве от богословия, остаются под большим вопросом.

Примечания

1. Карманный словарь атеиста. Под ред. М.П. Новикова. М., 1973. С. 186–187.
2. Повесть временных лет. СПб., 1997. С. 87.
3. Иларион. Слово и Законе и Благодати. М., 1994. С. 33.
4. Повесть временных лет. С. 111–112.
5. Там же.
6. Цит. по: Каптерев Н.Ф. Патриарх Никон и его противники. Сергиев Посад, 1913. С. 96, 98.
7. Вернадский И.В. Московское Царство. Ч. 2. Тверь, М., 2000. С. 282, 284.

Н.Л. Семенова (г. Стерлитамак)

ПОЛИТИКА РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В ОТНОШЕНИИ РЕЛИГИИ КОРЕННЫХ НАРОДОВ ЮЖНОГО УРАЛА В XVIII–XIX вв.

Российское государство изначально формировалось как многонациональное и поликонфессиональное. По мере присоединения новых территорий все более важным становился вопрос о политике правительства в отношении религии коренных народов. Стержнем всей религиозной политики государства являлась идея социально-политической интеграции народов на основе христианизации и русификации¹. Методы осуществления этой политики менялись.

Территория Южного Урала являлась зоной активных контактов многих этносов и этнических групп. Начиная с XVI в. здесь в тесное соприкосновение пришли православные христиане, мусульмане (татары, мишари, башкиры), язычники (мордва, марийцы, удмурты, ханты, манси). Религиозная политика правительства с этого времени проделала определенную эволюцию. В этот период миссионерская деятельность православной церкви носила преимущественно мирный характер и была направлена на основание новых монастырей, церквей, т. е. на укрепление позиций православия на Южном Урале.